

1. Прежде чем говорить о варке молотого кофе, необходимо подобрать основу для напитка

Все было не так в тот день. А когда было так? А?

Разбудил звонок. Точнее, мы по привычке называем «это» звонком, у меня это: «ту-ту-ту-ту-ту-ту-ду, ту-ту-ту-ту-ту-ту-ду... I'm gonna fight «em all. A seven nation army couldn't hold me back...»¹.

Не самое приятное пробуждение. Пробуждение из-за кого-то, кто, наверное, мне что-то смертельно важное хочет сказать в 7 утра. В такую рань. Это я про пробуждение, а не про этого человека. Хотя...

— Да? — мегахрипло-мегакруто отвечаю я.

¹ Песня «The Seven nation army» группы «The White stripes»

— Ты в городе? Ты сможешь выйти? Японимаютотыотра-
боталадвоесутокбез выходныхнопонимаешь... Язвонилановень-
койонанеберетоткрываемсячерезчас... Ой, я тебя не разбудила?
Привет.

Перевожу с «заполошного» на людской: мы в курсе, что сегодня
твой выходной, собирайся и выходи, ибо не х... хватает кадров.

— Ладно, иду, — резко нажимаю отбой, прерывая все эти
захлебывающиеся искренностью и признательностью речи,
и выглядит это примерно так:

— Ой, спаси... — Хлоп.

Ну, то есть «хлопа» нет. Он звучит лишь у меня в голове. Вот
чем хороша была моя старая «раскладушка». *Хлоп*, и как отреза-
ло. *Хлоп*, и нет его или ее. И всех их нет.

Дальше схема давно отработана: обжигающий ток кофе — па-
нибратский тычок по нервной системе, душ, под которым боль-
ше стою, тупо уткнувшись в кафель, и греюсь, чем моюсь, снова
кофе, но уже с куском какой-нибудь еды, кормление шипящего
кота — редкостного нахала и перспективного кастрата. Он дав-
но уже намекает, что неплохо бы в мой ритуал внести кое-какие
изменения, например, поставить время его кормления как неот-
ложное в самый топ списка. Свой протест он демонстрирует пре-
тенциозным и многократным «*мияув*», яростно царапая дверь
ванной. Бесит. Но мне приятно это слышать. А еще приятно де-
лать «*хлоп*» перед его наглым носом.

Что еще входит в ритуал? Одеваюсь. Одеваюсь я хорошо, лю-
блю это дело. Мой стиль — рулетка: все немнущиеся и примерно
одной сизой, или, как модно, «пастельной», палитры вещи свале-
ны в кучу. Каждое утро моя рука, нет, не рука, а жадная клешня,
как в автоматах с детскими игрушками, ныряет вглубь и всегда
возвращается с призом. Главное — захватить побольше, ведь
чем больше слоев, тем лучше, да?

Что же еще? Ага! Проверка почты. Это единственная оставша-
я у меня, помимо телефона, связь с миром. Все аккаунты в соц-
сетях я с большим трудом удалила, что было похоже на долгое
прощание с очень, очень гостеприимными хозяевами, которые
ну никак не хотят тебя выпускать. Именно не отпускать, а выпу-
скать, это не оговорка, и никакого старикашки Зигги!

Ух ты, сегодня мы с письмом. Пляшу. Незнакомый адрес.

«Здравствуйте, уважаемая Дайна...»

Значит, письмо официальное!

Кроме представителей крючкотворных и тошнотворных организаций (особенно регионального уровня), никто меня по паспорту не знает. Даже редкие фриланс-проекты мне кидали на профиль «Дина: рерайт, копирайт, райт?» Даже друзья, ну то есть наименее бесящие коллеги из кофейни, звали меня так.

Так.

Ладно. К делу: «Здравствуйте, уважаемая Дайна... *тра-та-та...* пишет вам... *пру-пру-пру* ... у вас задолженность в библиотеке...»

Чего? Задолженность в библиотеке? А если не погасить, видимо, придут и отключат мозг?

Вялая шутка... Кто это у нас такой заботливый? Ведущий специалист БИЦ... это что за... Галина Лаврентьевна... божечки... Берия-младшая, что ли? Еще одна шутка за сегодня, и у меня будет страйк. Какая заботливая Гала (произношу с самым южнорусским гхэ на какое способна). Ну была там такая. Не самая вредная. Безобидная кукушка.

Письмо мну-рву (мысленно) и в корзину. Задолженность... Погасить... Ну если так горит. Книгу найти просто — *где же, где же* — да в пакете у порога! Давно собралась на выход. Меня только ждет. Вон виднеется краешек... «450...» и «...ейту» — с другой стороны. Эту книгу либо сдать, либо... сжечь!

Быстрее, чтобы не передумать, хватаю пакет и выскакиваю за дверь, наматывая длинный грязно-серый шарф на чисто-белую шею (или все было наоборот?).

Если быстро идти, им за мной не угнаться. Страхам.

2. Наливаем в турку воду

Когда я была там в последний раз? Миллион алых роз назад — если измерять время субботними вечерами, когда у правозастенной соседки проходит шабаш «кому за...» под нещадное ретро.

И «алые розы» были еще малой из бед, с них начинали, но к концу вечера они успевали и пожелтеть, и быть врученными Светке Соколовой, и, о ужас, белеть и «умирать на белом, холодном окне». Бррр. Борюсь с этим усиленно — Беллами, Йорк и Танкян¹ мне в помощь.

О чем это я? Да о чем угодно, только бы не думать о том, куда иду. А ноги знают свое дело, эти обделенные правдой конечности.

Хоть бы никого не встретить. Хоть бы никого не встретить. Хоть бы никого не встретить.

Нет, показалось.

Смотрю под ноги: так и не заметишь никого, и не упадешь.

Вот и оно — *alma mater*, или он, или она? Не суть. Время? Самое удачное. Время первой пары. Никого? Ник-кого!

Усердные — по кабинетам, нормальные — по постелям.

Миную первый «большеглазый» этаж (делать в здании огромные и некачественные окна — это прям верх садизма или идиотизма, даже для отечественного строительства). Архитектурный маразм/миазм — нужно подчеркнуть. Эти огромные вовсюстенные окна — для лекционных аудиторий. Мест там человек на пятьсот. Наверное, те, кто планирует такие аудитории, подсознательно ждут столпотворения вдохновенных студентов и лекторов маяковско-есенинского разлива. У нас это называлось: лекции для всего потока.

Странный образ, я всегда представляла себе бурный, бешеный, даже агрессивный речной поток, он уже так далеко от истока, что и не помнит, был ли этот самый исток. А может, ничего и не было — она ниоткуда, эта сила, для которой краев и пределов, кажется, нет. Кажется. Только стремительное движение вперед и...

Пороги, пороги, пороги!

Теперь аудитории полупусты. Поток иссякает. А преподаватели смиренно несут свое «*Margaritas ante porcas*».

¹ Имеются в виду солисты групп: «Muse», «Radiohead», «The System of a down».

И какие же лекции вы читаете им? Потоку, стихи? Чему учите, «ловцы человек»? Редкое ваше слово долетит до середины...

Ну и в завершение этого красочного ассоциативного ряда я представляю вас, товарищи лекторы, скорее обычными беспомощными кормчими в маленьких лодках. Топите ли вы Муму или спасаете зайцев, решать вам. Видала и тех, и этих. Учителей с большой и малой буквы. Вот только все вы неизбежно мчитесь на мель.

Ну и х... хватит об этом. Какие пафосные мысли! Стены родного вуза влияют, не иначе.

Ускоряю шаг. Хоть бы никого не встретить. Хоть бы никого не встретить. Хотьбыникого не встретить.

Нет никакой, самой малой вероятности встретить хоть кого-то, пока поднимаешься на второй этаж в библиотеку. Ни малейшего шанса. Ни...

— Дииина?

3. Главное: помол кофе должен быть «в пыль»

Замираю, оборачиваюсь. Натягиваю улыбку на лицо.

Кто? А... Ты?!

Ну, это несерьезно! Это по моей новой типологии даже кончик пальца не замочит. Так... Береговая охрана. Маленький человек малого деканата.

— Ты восстанавливаться? Документы с собой? Справки?

Угу, целый пакет. И подснежников букет.

Делаю непроницаемое лицо. Типа на мне зеркальные очки-авиаторы, и на лице можно разглядеть только презрительные губы (когда снимаешь розовые очки, потом без вариантов надеваешь темные).

— Так, забежала по пути. Некогда. Работа ответственная, сама понимаешь.

Хорошо, что работаю в другом конце города, не поймает.

— Это в кофейне-то? — хмыкает с... собеседница с выражением «врешь, не уйдешь».

— Угу, в кофейне. Я ж там не просто так работаю.

— Вот как? Как это не просто так? — А сама смотрит насмешливо и так воодушевленно, словно ждала этой встречи. Караулила меня каждое утро — «а вдруг». — Ты не стесняйся, у нас многие не по специальности работают. Даже те, кто до конца доучился.

Вот су... сте... сво... свободная от стереотипов личность. Но мы шпионы со стажем — легенда готова и опробована многократно.

— Какое стеснение? У меня не работа — мечта, мозг не перегружен, кофе литрами. Я ж пишу.

— Диплом дописываешь?

Нет, этот чеховский диалог пора заканчивать. Брейк! Толстый и тонкий — разойтись по углам!

— Почему диплом? Зачем? Чтобы потом за шесть тысяч тут жо... просиживать? — Двойной апперкот, тут и с з/п попадание, и ж... выдающаяся. — Книгу пишу. Роман. Сагу.

— Са-агу... — Тянет, клянусь, уважительно, глаза загораются узнаванием только на этом слове. — Сага, это сейчас модно! Я читала. А твоя про кого?

— Моя? Да, о Форсайтах, — шучу, точнее пробиваю «пробный». — Сага о Форсайтах.

— А-а-а... Вампиры, что ли? Или фэнтези?

М-дя, это вам о качестве дипломов.

— Оборотни! — добиваю я и, вежливо улыбаясь, обхожу бывшую однокурсницу и устремляюсь. Сама уже не знаю, куда устремляюсь...

Вдруг резко, как всегда тюремно-освободительно, звенит звонок.

Скорее к библиотеке, пока не снесло тем самым потоком.

Лица все уже незнакомые, мною не заинтересованные, но я ускоряю шаг, будто чую.

Почти удается, почти...

— Дайна? — это уже шепотом, таким знакомым низким шепотом.

4. А между тем мы находимся с вами в самом сложном диапазоне варки: между 90 и 96 градусами!

Я так и не сдала эту *грё...* грандиозную книгу. Прости, Лаврентьевна. Я была близка...

Вот именно. Нельзя сближаться, опасно сокращать дистанцию. Больше никогда. Никогда. Никогда.

Я выбежала из здания. Ноги сами понесли на остановку, руки сами нашарили в сумке фляжку. Плоскую, со вставкой из шотландки и кожи. Подарок.

Пью. Ловлю неодобрительные взгляды двух теток, ожидающих автобус. Возвращаю не менее неодобрительный взгляд. Сет. Гейм. Их цветастые кофточки, не сочетающиеся с еще более цветастыми юбками, — это прям тренд: верхи не могут, низы не хотят.

Отворачиваются, шепчутся.

А может, это у меня лекарство во фляге? Сердечные капли. Датского короля. Это, кстати, действительно не алкоголь. Было дело, баловалась коньяком, даже виски, но... не помогало. Теперь это просто энергетик. На банке было указано, что со вкусом яблока, но так они все одинаковые, пьют их явно не ради обещанного яблочного оттенка.

Сердце привычно разгоняется, мысли лихорадочно веселеют. Эге-гей!

Ой, двусмысленно как-то звучит.

Эх-ма!

Вот так! Не пора ли нам на работу, милые цветастые женщины?!

Дружно садимся на «двадцатку», только стратегии у нас разные — у них локтевые маневры к свободным сиденьям, я — привычно вперед, почти к самому водителю, там часто поручни свободны, хоть как на пилоне танцуй.

Занимаю уверенную позу моряка на побывке — ноги на ширине плеч, руки демонстративно ни за что не держатся, и сразу упираюсь взглядом в знакомые ботинки.

Уже полгода я езжу на работу с этими ботинками, крепкими надежными ботинками из кожи, того самого коричневого,

который вызывает желание... ну, не знаю, потрепать ирландского сеттера по блестящей и мягкой шерсти, допить бокал холодного портера и поехать объезжать свое ранчо. Верхом. На диком мустанге. Ага. Ваша фантазия совсем не эротическая, просто больная. Спасибо, доктор!

Коричневый — коварный цвет, с множеством не самых хороших оттенков и ассоциаций, трудно сочетаемый цвет, и в моей куче шмотья нет, наверное, ни одной коричневой вещички. Серое, черное, зеленое, синее, да хоть цвет манго, но не коричневое.

Забавно даже, стою такая серая, вся в мыслях о чужих коричневых ботинках. Модный приговор: виновна. Диагноз: невменяема.

Вот скоро станет совсем тепло, и, я боюсь, на смену им придут ужасные светлые плетеные сандалии с просвечивающими черными носками. Но вот эти ботинки я обожаю, они хоть что-то постоянное в моей жизни, пусть и на сорок минут несколько дней в неделю.

Кстати, что-то мы сегодня не по графику. Медленно поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с владельцем моих кожаных друзей.

Хм, все так же смотреть не на что, ну то есть есть на что, но совсем не мой тип. Рослый детина, длинный и жилистый в руках и ногах, с широкими ладонями, крепко обхватывающими сразу два поручня (он-то в моряка не играет). Кожа то ли загорелая, то ли чуть вареная, волосы, если так можно назвать ту щетину, что покрывает голову, выгоревшие и глаза выгоревшие, вылинявшие, какие-то бледно-голубые.

Такой местный западносибирский типаж. Фе. И нос... востроносый. Фе-фе. Ожидаешь увидеть «абибасы», спортивные штаны и шапку «гондон», короче, то, сквозь что будет проглядывать его пролетарское происхождение. Но на этом «челкаше» были те самые ботинки, вельветовые брюки, куртка Columbia и никаких намеков на шапку-варежки-шарф. Это я уже за полгода все так подробно изучила, как и «наше» расписание.

Когда ты живешь в небольшом городе и едешь по одному маршруту, ты неизбежно обрастаешь несколькими постоянными

ми компаньонами, накапливаешь наблюдения, строишь догадки о их жизни.

Тут и догадки не нужны — работает этот товарищ в пожарном депо, напротив моей работы, они все там часто пьют самый дешевый кофе. А живет — где-то после меня, когда я выхожу, он едет дальше. Романтика, бл... благодать... ать... ать...

Вот только за полгода и пары слов ему не сказала, взглядом тоже стараюсь особо не встречаться. Зачем?

Вот и сейчас, гляжу, как на пустое место, и снова опускаю взгляд.

— Чет сегодня не по графику! — слышу вдруг.

5. Свести нагрев до минимума

Игнорю.

Остановка.

Передняя дверь открывается, запуская очередного запыхавшегося пассажира, безмерно благодарного за такую честь — ему открыли переднюю дверь. Она ведь не для нас, она личная собственность водителя и работает только при его благоволении. Может, поэтому я упрямо держусь около нее, чтобы на своей остановке решительно сказать: «Откройте!» А может, и нет.

Вот и сейчас я продвигаюсь ближе, оставляя всех за спиной, хотя выходить еще не скоро.

Из двери дует, плотнее затягиваю шарф, представляю некролог: «...удавилась по пути на работу».

— Рано же выходить?

Бу-бу-бу бэ-э-э-э. Ну что тебе надо? Это что, моя расплата за чрезмерное внимание к твоей обуви? Ну сорян, мне скучно, я помешана на обуви, такой ботиночный фетишист. Это не значит, что я настроена на светские беседы. Не сегодня. Не с тобой. Никогда.

Демонстративно достаю щупальца наушников и отгораживаюсь от всего.

Вот так.

6. Кофе любит постепенность и немного заботы о нем

За что люблю свою работу, так это за то, как быстро и бездумно она пролетает. Ничего не надо. Я все забыла. Есть только кофе. Его аромат. Только аромат.

Я кофе давно уже не пью, настоящий. Дома по утрам — лениво-растворимый, в течение дня подкрепляюсь энергетиком...

Раньше любила сама молоть, варить, разве что не выращивала — целый ритуал. Ритуал для двоих. Но... не важно.

Так, о чем я?

О работе!

Клиенты. Я их обожаю. Честно. Нельзя делать кофе вперемешку с усталостью и злобой. А еще здесь нет лишних слов (у работников, у клиентов-то их предостаточно), нет этих обтекаемых красивых фраз, которыми я так умело, играючи, зарабатывала на жизнь ранее.

Это был не просто способ работать. И в учебе, и в работе фрилансером я безрассудно наслаждалась своими умениями складно и ладно писать и говорить. Лить воду литрами. Литерами лить. Не думая о том, кто будет это пить.

Все. Хорош. Лью воду только в нужную емкость, лью молоко, засыпаю кофе, иногда колю лед, рисую листики и сердечки корицей. И-и-и-и раф! И-и-и-и два. Ваш заказ готов. И так весь день. 24 часа кофествования. И больше ничего. И никого.

— Слушаю вас?

Очередное, с улыбкой.

Поднимаю глаза над стойкой.

— Здравствуй.

Чё... и даже на это словечко сил не осталось. От самого универа за мной шел? Ехал... «Эй, шеф, гони за тем автобусом?» Так, что ли?

— Здравствуйте! Что вам предложить? — Улыбку придется потом оттирать от лица наждачкой.

— Да я, в общем, не за кофе, к тебе зашел.

— Заказывать будете?

Настойчивость моя перестает в грубость. Коллега на кассе удивленно оглядывается.

Так, только этого не хватало.

— Я на минутку, — кидаю в сторону кассы и получаю понимающий кивок.

Черт бы побрал это понимание.

Выхожу из-за стойки — и на выход, там резко за угол, не туда, где обычно курят, а в сторону мусорных баков. Самое то обстановочка. Вот где бытие определяет сознание.

В просвете между домами виднеется пресловутая пожарная часть. Может, по законам мелодраматического жанра и обладатель коричневых ботинок сейчас появится?

Ну вроде нет, его я отшила по всем правилам швейного мастерства. Сейчас отошью еще одного товарища, так сказать, по знакомым лекалам, и выйду на массовое производство.

Но то, что легко сделать с незнакомым попутчиком, труднее сделать с человеком, который какое-то время казался чем-то или кем-то большим.

А может, он тоже был случайным попутчиком, просто я сама нарушила дистанцию? Приближаешь и приближаешься, принимаешь и делишься, приучаешь и привыкаешь, а потом что-то ломается, и ты оказываешься в новой половинчатой реальности: только половина жизни, половина жилья, половина постели, половина тебя. Короче, не подходи близко — «не совершай ошибки».

— Ну что?

— Ну зачем так?

— Как?

— Так... — Пауза.

Он любитель пауз. Мой бывший... преподаватель.

Когда он вот так, многозначительно, замолкал посреди очередной лекции, все замирали, вся аудитория ловила каждое его слово.

— Я сегодня видел тебя в коридоре, но ты, видимо, куда-то торопилась. Или бежала от меня?

— Или.

— Понятно, все так же бежим и прячемся. — Указывает длинным пальцем узкой, типа аристократической, кисти на мой бейдж. — Ди-ина...

Это имя он тянет снисходительно, как посвященный в некую тайну, один из немногих, кто знает мое немного нерусское имя. Имя, *мать ее*, розы.

Мне смешно, будто это знание ему что-то дало.

Будто он что-то понял во мне.

Обо мне.

Ха.

— Дина, — подтверждаю твердо: — Дина.

Он молчит, видимо, ожидая, что после этого «заяц — волк — волк — заяц» последует продолжение, но я тоже молчу, демонстративно подношу к лицу руку и смотрю на часы, которых нет и в помине.

Он вздыхает, он кивает, он, слава Будде, разворачивается, чтобы уйти.

Разворачиваюсь и я, так, чтобы обойти его по максимально широкой дуге. Корабли лавировали, лавировали, да...

— Пишешь? — бросает вслед, даже не повышая поставленного лекторского голоса.

— Нет.

— Зря, ты очень талантливая девочка...

Вот... *мра...* к!

Как там было? Не сегодня — не с тобой — никогда.

И что-то сухо треснуло во мне, так, знаете, хр-р-русть.

И не один раз, и не два.

Пока я шла до кофейни, пока что-то объясняюще бурчала коллеге в ответ, пока делала арахисовое какао, пока с улыбкой принимала еще один заказ, и еще, и еще, и еще — там, отдаленно, на фоне, словно я забыла вытащить один наушник, — звучал, нарастая, этот странный треск, эти шаги по насту, это крх-крх-крх.

Хрусть.

Ой, нет, не то.

7. Итак, помешиваем, помешиваем, помешиваем

— У тебя из окна видно мой дом!

— Угу.

— Вон, тот, правый из двух девятиэтажек!

— М-м-м...

— Ты, когда выходила из автобуса, я часто смотрел и думал, интересно, где эта девушка живет?

— Только это думал?

— Ну... — Кончик носа краснеет. Мило. — Не только это. Думал, как зовут. Потом в кофейне узнал. Думал, какого цвета глаза, ты поначалу все вниз смотрела...

— На ботинки.

— Что?

— Ничего.

— А когда не работаешь, ты что делаешь?

— Сплю.

— Да, я тоже! Ну не только. Я просто в том смысле, что, может, когда у тебя и меня будет выходной...

— Сплю.

— А?

— Сплю я уже почти, так что давай... Бери шинель, иди домой...

— Я... Ну, конечно, поздно уже, но, может, все-таки...

— Нет.

Хлоп.

Все получилось как-то само собой.

В тот же день, точнее наутро, когда я ехала домой отсыпаться, тщетно пытаюсь заглушить нарастающий и пугающий звук внутри себя. На игры в моряка сил не было, я повисла на поручне, а рядом лежала знакомая широкая, грубоватая, красная, как в детских страшилках, рука. Не тонкая, не бледная, не холеная. Мой челкаш в кожаных ботинках. Уже не заговаривал, не хотел, а может, тоже устал.

— Ну?

— Чего? — Взгляд и правда от усталости немного осоловевший, прояснился. — Что?

— Чем ты там в своей части занимаешься?

— Я?

Божечки, да тут у нас гений! Растерялся, не ожидал такой инициативы. Поднажмем и сразим своим очарованием...

— Ты-ты-ты, ты-ты-ты, ты-ты-ты, ночью и днем... — бодро
взвыла я.

Он почти испуганно оглянулся по сторонам. Нет, ну никто не ценит мой певческий талант.

Фляжка была давно выпита, пополнена и снова выпита. Вигн обещал не только яблочный привкус, но и огонь адреналина в крови. Я горела, я выгорала, как деревянное здание в 1666-м. Может, отсюда и эти звуки. Это был не холодный хруст, а жадный и жаркий треск моей неустойчивой конструкции. Хм.

— Пожары тушишь?

— Ну, бывает, не каждый раз, и слава бо...

— Ага-ага, понятно. На дому-то услуги оказываете?

— Что? — совсем растерялся.

Видно, аудиодорожка у меня окончательно рассинхронизировалась с видеорядом. Уставшая, потрепанная, взгляд, полный яблочного оттенка, улыбка безумного Шляпника и текст его же сочинения.

Смягчила оскал, добавила взмахов ресницами.

— Сейчас моя остановка. Зайдешь?

— Зачем?

По его лицу можно было читать, как даже не по книге, как по плану эвакуации... Прямо увидела, когда смысл сказанного мною завершил свой долгий путь к его мозгу.

— Проведешь внеплановую проверку помещения. Оценишь мою пожароопасность.

**8. Получение кофейной пенки —
самое главное таинство. Но если вы увидели
бурление вашей пены — то варка не удалась!**

Бурление — это разрушение пены

Это было во вторник. Потом в четверг. С субботы на воскресенье.

Пара часов до обеда. Не дольше. Дольше опасно. Да и зачем?

Треск совсем утих, и ладно. Больше ничего не менялось, все было по-прежнему, только чайник купила новый, ведь между

т/делом он успел-таки проверить проводку и состояние электроприборов. Фанатуспрофессионалус. А я дома кофе не варю. Теперь.

Это касается и совместных часов, никакого кофе/чая, совместного душа, кот для него просто кот, Дина просто Дина, самый долгий разговор — см. выше.

Да и о чем с ним говорить? Когда начинает задавать вопросы, отнекиваюсь или молчу, или начинаю что-то петь, что-нибудь дурацкое, сказывается правозастенный репертуар.

Думала, это быстро закончится. Кому нужны такие *дерь... деби... ду... д...* дифференцированные отношения? Или, может, именно такие и нужны? Не знаю.

Закончилось действительно быстро, но не так, как я думала.

Однажды, во время недолгого промежуточного лежания на диване — я в позе деликатного трупа, он, расслабленный, всеми своими длинными конечностями напоминающий морскую звезду, — возникшее молчание стало вдруг тяготить.

Не было вопросов, нелепых комментариев, не было ничего, кроме... Как я и хотела. Наверное. Лежа вот так, отстраненно, глядя в потолок, было так легко представить, что я одна. Лежа вот так, почти соприкасаясь, глядя на свежепобеленный межплиточный шов, было так легко представить, что я не одна.

Я закрываю глаза и читаю по памяти:

— *Моя любовь к тебе сейчас — слоненок....¹*

Читаю без выражения, ровно, чувствую себя совсем не так, как тогда, когда, болезненно влюбленная, учила эти строки наизусть. Или, что еще ужаснее, — так?

Все в этих строфах было о том чувстве, том времени, о том, Другом человеке.

Почему, зачем, откуда вдруг это всплыло?

Мне казалось, что все это, как та библиотечная книга, — уже прочитанная, пережитая, исчерпанная, спрятанная в пакет и приготовленная на вынос. Но еще не отданная, не возвращенная. Ждущая чего? Своего часа? Моего решения?

¹ Стихотворение Н. Гумилёва «Слоненок».

А этот?

Нет, не так...

А Ты?

Ты тоже другой, во всем другой человек, слушаешь молча, почти не дыша. Но я осознаю твое четкое присутствие, знаю твою тяжесть, объем, длину и вес, температуру тела, чувствую твою распространяющуюся, заполняющую все и вся близость.

Я замолкаю — не только и не столько потому, что закончилось стихотворение, но потому, что снова стала различать уже знакомое, пока еле слышное, вкрадчивое потрескивание-похрустывание.

Не всю проводку поменяли, что-то давно перегорело внутри и начинает трещать и плавиться от любого скачка напряжения.

Крх... крхкрх... кррррхххх.

— Здорово! Я сначала, правда, не купил, причем здесь любовь, но потом... Ведь и правда, любовь она такая и есть — нелепая, что ли, и... ненужная, особенно когда она большая и сильная... как слон....

— Угу.

— Ты написала?

— Нет.

— А кто?

— Так, один человек, гугл в помощь.

— Хороший, наверно, был человек...

— Не обязательно быть хорошим человеком, для того чтобы писать.

— А ты?

— Хороший ли я человек?

— Ты пишешь?

— ...Уже нет.

— А почему?

Хр-р-русть.

И я ничего не говорю. И я ничего не отвечаю. И я ничего не объясняю. Когда закрываю за тобой дверь.

Хлоп.

9. Кофе должен настояться. Не спешите

Дни идут. Скоро станет совсем тепло. Шарф и мне уже не нужен. Шею приходится мыть чаще. Шучу.

Шучу постоянно — в редких телефонных беседах с матерью, в диалогах с Платоном (вот секрет и раскрыт, моего кота зовут именно так). Я решила его не кастрировать. Вот если бы его звали Сократ, тогда да, для рифмы.

Искрометнее всего я шучу на работе, особенно когда за дальним столиком устраиваются работники пожарной части. Вот так.

Хотя я уже сменила полусапоги на ботильоны, кожаные ботинки все еще со мной. То есть не со мной, конечно.

На следующий день после «слоненка», ничего не понимая, по привычке (*ох...ренеть*, как быстро у некоторых они вырабатываются) шагнул за мной.

Сделала вид, что не заметила этого. Пробормотала: «О, моя остановка» — и выскочила в последний момент.

Я все решила. Я все сделала правильно. Ничего не случилось, просто все стало, как было: утро — растворимый кофе — гадкий кот — кофе (растворимый и гадкий) — ботинки — молчание — кофе (хороший, но чужой) — кофе — кофе — кофе... — и снова, как заклинание: «Моя остановка».

Иногда пытается заговорить. Молчу, междомечу, пожимаю плечами. Моя остановка.

Когда молчание тяготит, я демонстративно пью из фляги или затыкаю уши наушниками. Никаких слонят. Никаких ботинок. Никакого пожара. Никакого спасения. Никакого хруста. Никаких звуков вообще. Ничего... Никого... *Какого?!*

Почему не сменила маршрут? Не знаю. Дура потому что?

Получилось. Кажется. Отстал. Молчание теперь обоюдное. Уже не надо говорить. Моя остановка.

Сплошное «хлоп».

Впервые за долгое время хочется плакать.

10. Снимаете с огня и наслаждаетесь интенсивным вкусом напитка

На этом месте должен быть постскриптум. Никогда не понимала, зачем он нужен, ну напиши все, что хотел, в самом тексте письма, к чему эти странные дописки?

Но если бы это «все» было большим письмом, то что бы я добавила напоследок?

Почему-то мне хочется считать всю мою историю простым длинноватым и скучноватым письмом, а не рассказом. Может, из-за отсутствия яркого и напряженного финала?

Хотя если постараться, можно из всех мелочей сваять такой финал: «Однажды, одним прекрасным утром...»

Так, почему это «прекрасным»?

«Одним серым и невыразимо тоскливым утром...»

Но почему «одним»? Что-то не вяжется — не шарф.

Не было никакого «однажды». Не случилось все в одно «какое-тамбынибыло» утро. Или «один прекрасный день». Их было много — дней. И было много мелких вещей, действий, слов...

Я жила, словно «на цыпочках», осторожно оценивая каждый шаг. Но я шла! Шла! Двигалась! Не понимая куда и зачем. Без всякого плана... эвакуации.

В одно такое обычное майское утро я получила письмо, сухое и лаконичное послание, без всяких там «уважаемая Дайна», зато с цитатой ст. 9 Закона «О библиотечном деле», если верить которой, пользователи библиотек, нарушившие правила пользования библиотеками и причинившие библиотекам ущерб, компенсируют его... *пам-пам...* а также несут иную ответственность... *пру-прум-прум...* И приписка в конце, постскриптум, *мать его*: «...некоторые библиотеки предусматривают возможность замены утерянной книги».

Возможность.

Замены.

Утерянной.

Возможность. Возможность?! Возможно.

На следующий день я не пошла на работу: позвонила и отпросилась (сонная хрипотца — отличная вещь в нелегком деле

симулянта). В этот день я никуда не пошла, просто сидела на кухне и неторопливо пила сваренный в турке кофе. Накормленный в первую очередь Сократ важно сидел рядом с выражением «давно бы так». И действительно, давно бы так.

Казалось бы, ничего резко не изменилось, но спустя неделю и еще одно письмо, я все-таки дошла до вузовской библиотеки и погасила задолженность. Лаврентьевна оказалась милой женщиной, даже не взяла с меня причитающийся штраф. Зато спросила, понравилась ли мне книга. И я ответила то, что давно уже надо было сказать вслух: *«Это была очень хорошая книга, просто не совсем моя. Я слишком незрелый читатель для такой сложной книги. А может, все наоборот? Трудно захлопнуть такую длинную, мучительно горькую историю (хотя она банальна до ужаса) и вдруг открыть что-то новое. Вдруг он... сюжет... окажется таким же или еще хуже?»*

Ну или какую-то другую, похожую пафосную хр... стоп... Я решила перестать ругаться.

Короче, книгу я сдала, «эпитафию» над ней озвучила. Умница, нет слов, какая...

Уходя, на столе для буккроссинга ухватила книгу. Наугад. Гумилёв. Стихи. Слоненок. Вот ведь.

Выходила из универа с достоинством, не опуская взгляда, спокойным шагом. Ну, может, уже у дверей немного ускорила...

Что еще? Потеряла флягу, надо бы новую купить, да как-то забываю все время...

Что же еще?

Писать? Еще не начала. Так, какие-то наброски. Достала старые блокноты. Хорошо, не сожгла в свое время.

Что же еще?

Ничего? Остальное вроде по-прежнему.

Конец?

P.S. Настоящий кофе получается путем длительного томления.

Утро не прекрасное, не ужасное, просто утро. Возвращаюсь с суток. Под рукой скользит поручень, взгляд привычно скользит

по низу... словно что-то ищет. И не находит... Но продолжает искать... Продолжает искать.

Вдруг понимаю, что их нет!

Нет!

Впервые за все время я не утыкаюсь в безопасную гавань коричневой кожи...

Их нет.

И ничего похожего нет.

Сандалии, балетки, еще одни балетки, ужасные белые туфли в «дырточку», даже шлепки. Галерея летней обуви.

Это все не то, не то, не то... х...хр...хру...хрус-с-с...

Ищу, за что бы зацепиться, и выбираю красные хилфигеры, классные красные хилфигеры...

Поднимаю взгляд.

Опускаю взгляд.

Снова поднимаю.

Твой взгляд растерянный и... радостный?

Автобус тормозит.

Хмуришься. Поводишь подбородком в сторону открытой двери (передней, вот чудеса!).

— Твоя остановка.

Замираю. Прислушиваюсь к себе. Делаю шаг к выходу. Вновь замираю.

Беспомощно смотрю на то, как двери закрываются, отрезая мне путь к отступлению.

Хлоп!

И я улыбаюсь.